

сухі, неапрацаваны і нелітаратурны. Але ў ім ёсць тое, чаго не мае ні “Магілёўская хроніка”, ні іншыя пісьмовыя крыніцы XVII – XVIII ст.ст. Несумненна каштоўнымі ў летапісе з’яўляюцца арыгінальныя звесткі з гісторыі Беларусі і Віцебска і асабліва сведчанні пра мілітарныя і палітычныя падзеі канца XVII – пач. XVIII ст.ст. Для прыкладу: паведамленні пра казакаў Шухалея і Дубіну, пра бітвы віцяблян з маскоўцамі ў Кашэвічах і Глаздовічах; пра сквапнага каралеўскага камісара Рыбінскага і ліхога капітана Салаўёва (у тэксце *Салаваў*. – В.Т.), які ў 1708 годзе выпаліў Віцебск, як крыху раней Магілёў, Быхаў, Дуброўна, Оршу.

А ўвогуле фактура “Віцебскага летапісу”, які займае ўсяго тры дзесяткі друкаваных старонак, не бедная. Знаходзім мы ў ім паведамленні самыя разнастайныя: і пра каметы, і пра пажары, і пра Хрыстафора Калумба, і пра частыя паморкі, якія лютавалі ў Віцебску і ваколіцах. Аднак гістарычную каштоўнасць летапісу змяншаюць недакладнасці. Так, напрыклад, гаворыцца пра заснаванне Віцебска кіеўскай княгіняй Вольгай у 974 годзе. Але, як вядома, Вольга памерла ў 969 годзе, і таму заснавальніцай горада яна быць не магла. Некаторыя вучоныя бачаць тут памылку перапісчыка, які памяняў лічбы 7 і 4, лічаць, што гару на Дзвіне Вольга “ўпадабала” ў 947 годзе.

Памылкова таксама пададзены ў летапісе звесткі пра жаніцьбу князя Альгерда, дата спальвання мітрапаліта Герасіма (1415 замест 1435), год бітвы казакаў са шведамі пад Галоўчынам, якая адбылася не ў 1701 г., а ў 1708-м, і іншае. Пра гэта ў свой час пісаў М.М.Улашчык, ён жа і выдаў “Віцебскі летапіс” у 32-м томе “Полного собрания русских летописей” (М., 1975).

ЛІТАРАТУРА

1. Беларускія летапісы і хронікі: Пер. са старажытнарускай, старабеларус. і польск. / Уклад. У.Арлова; прадм. В. Чамярыцкага. – Мн.: “Беларускі кнігазбор”, 1997. – 432 с.

ПОЛЕ ЗАПАХА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Д.С. Фалькович

Витебск, ВГУ

В современном английском языке передача концепта «запах» осуществляется единицами разной частеречной принадлежности. При этом имена существительные *smell, odour, scent, aroma, fragrance, perfume, stench, stink, reek* являются ядром изучаемого номинативного поля (категории). Базисным для изучаемой категории является уровень, включающий две единицы – ключевое слово ядра категории «запах» *smell* и ближайшую к нему единицу – субстантив *odour*. Оба данные субстантива могут использоваться для обозначения нейтральных, приятных или неприятных запахов. Все остальные члены категории находятся на субординантном уровне по отношению к этим единицам.

Изучаемая категория, выражающая концепт «запах», по существу, включает в себя две противостоящие друг другу в смысловом отношении синонимические группы. Первая из них состоит из единиц, обозначающих приятные запахи, вторая – запахи неприятные, что структурирует анализируемую категорию как двухфоксную, то есть членимую на две подкатегории.

Ключевое слово исследуемой категории – *smell* – объединяет субстантивы *scent, aroma, fragrance, perfume*, с одной стороны, и *stench, stink, reek*, с другой. У единиц каждой из указанных подкатегорий наблюдается определённая полярность с точки зрения их оценочных характеристик при передаче явлений экстралингвистической действительности.

Каждое из исследуемых имён существительных, образующих ядро изучаемой категории, имеет яркую индивидуальную сферу использования, однако, в английском языке начала XXI века наблюдается чётко выраженная тенденция к проникновению одних из них в прототипическую область функционирования других, при этом часто с противоположным значением.

Сравнительно редкое употребление в современном дискурсе субстантивов, которые принадлежат изучаемому ряду единиц и обозначают неприятный запах (*stench, stink, reek*), компенсируется частым употреблением других членов ряда в значении «запах неприятный».

Анализ эмотивной характеристики обонятельного ощущения, выражаемого единицами базисного уровня (*odour u smell*) показал, что оба эти субстантива могут употребляться для обозначения запаха любого качества (как приятного: *a yummy banana smell; a clean, aromatic odour*, неприятного: *unpleasant cooking smells; an offensive odour*, так и нейтрального: *a hallucinatory smell; 7 primary odours*). Например, в американском медицинском словаре приведено определение вещества, которое выделяется из мышечной ткани и придаёт особый вкус и запах жареному мясу, и подливкам: *Osmazome – a principle derivable from muscular fiber which gives the peculiar flavor and odor to roast meats and gravies*. В этом примере имя существительное *odour* уточняется прилагательным *peculiar*, которое само по себе не несёт конкретных оценочных характеристик и в определённых контекстах может указывать как на позитивные, так и на негативные признаки явления. Именно широкий контекст показывает, что имя существительное *odour* в данном случае привносит положительную характеристику в дескрипцию. В этом примере речь идёт об обонятельном ощущении, возникающем в процессе приготовления мяса. Для человека, в рацион питания которого входят мясные блюда, запах этот, безусловно, приятен [1].

Обе единицы (*smell u odour*) выглядят неуместно и неэлегантно при описании косметических и парфюмерных запахов. Оба эти имени существительных типичны при обозначении запаха, издаваемого телом человека, при этом каждый из них в подобных случаях приобретает отрицательный эмотивный коннотативный элемент в своём значении (*body odour; the smell of his body*).

Стоит также отметить, что имя существительное *smell* является скорее стилистически нейтральным словом, в то время как субстантив *odour* часто имеет терминологическую окраску, так как он наиболее типичен на страницах текстов научного стиля. Имя существительное *odour* также тяготеет к более частому использованию в американском английском.

На субординантном уровне рассматриваемой категории располагаются два синонимических ряда, имеющих противоположные по отношению друг к другу значения. Один из этих рядов представлен именами существительными *scent, fragrance, perfume* и *aroma*. Прототипическим употреблением первых трёх из них являются случаи обозначения ими приятных запахов цветов и растений (*an attractive scent; an aromatic fragrance; sweet perfume of rose potpourri*).

Имена существительные, входящие во второй из синонимических рядов субординантного уровня рассматриваемой категории *stench, stink* и *reek*, употребляются для описания запахов неприятных, в основном исходящих от гниющих

или разлагающихся веществ (*the stench of decomposition; the stink of rotting flesh; the reek of human decay, etc.*). При этом субстантив *stink* в подавляющем большинстве встречается в контекстах, когда речь идёт о запахе смерти.

Когнитивные признаки, лежащие в основе рассматриваемых субстантивных единиц представлены оппозициями *приятный/неприятный, интенсивный/слабый* или в иной терминологии *концентрированный/ненасыщенный*. Также, данные оппозиции можно связать с длительностью наличия данного признака у объекта. Так, с одной стороны, слабые запахи – это запахи лёгкие, скоропроходящие, неустойчивые, как бы ускользающие довольно быстро, с другой стороны, интенсивные запахи – это запахи, скорее всего, устойчивые, которые могут характеризовать объект в течение достаточно длительного времени [2].

Таким образом, исходя из вышесказанного, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что имена существительные *smell, odour, scent, aroma, fragrance, perfume, stench, stink, reek* являются ядром изучаемого номинативного поля (категории) запаха в английском языке. Ключевые слова поля – это существительные *smell* и *odour*, которые могут использоваться для обозначения нейтральных, приятных и неприятных запахов. Также данное ядро делится на два синонимичных ряда, имеющие противоположные значения. Члены данных синонимических подгрупп могут классифицироваться по следующим признакам: вызываемые запахом эмоции и ощущения, насыщенность запаха и его продолжительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галлерт Д.Н. Лексикографический и дискурсивный анализ имени существительного *fragrance* в современном английском языке // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. – Вып. № 2 (27).
2. Галлерт Д.Н. Использование когнитивного подхода при изучении синонимов, обозначающих понятие «запах» // Вестник Московского городского педагогического университета. Сб. научных статей. – М., 2006.

ТВОРЧАЯ ПОСТАЦЬ У ДРАМАТЫЧНЫМ ВЕРШАВАНЫМ ЭПАСЕ ВАЛЯНЦІНЫ КОЎТУН

Г.П. Харошка
Віцебск, ВДУ

У беларускай паэзіі другой паловы ХХ стагоддзя значнае месца займае творчасць Валянціны Коўтун. Аўтарка падаравала чытачу такія цудоўныя кнігі паэзіі, як “Каляровыя вёслы”, “На ўзлёце дня”, “Метраном” і інш., а таксама паэмы “На злome маланкі” і “Суд Алаізы”. Апошняя – твор, па сведчанні У. Гніламёдава, “найбольш пераканальны, найбольш моцны сваім вобразным, нацыянальна-моўным ладам, напружаным спалучэннем гістарычнага, сацыяльнага і асабістага” [1, 165]. Валянціна Коўтун у паэме “Суд Алаізы” звярнулася да гістарычнай асобы – вядомай беларускай паэтэсы канца ХІХ – пачатку ХХ стагоддзя Алаізы Пашкевіч (Цёткі). Твор напісаны ў жанры драматычнай паэмы. Задума В. Коўтун зыходзіць з глыбокага адчування драматызму жыцця і гісторыі, тых сацыяльных і нацыянальных узрушэнняў, якія ў сваёй вастрэні і накіраванасці мелі патрэбу не ў якой-небудзь іншай мастацкай форме, а менавіта ў драматычным увасабленні. Сам аб’ектыўны гістарычны сюжэт, які меў падкрэсленую драматы-